

Васкэ Е.В. Психологический анализ поведенческого реагирования в юридически значимых ситуациях несовершеннолетних потерпевших по половым преступлениям

English version: [Vaske E.V. Psychological analysis of behavior reactions of minor victims of sexual crimes in legally relevant situations](#)

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Рассматриваются вопросы, связанные с различными вариантами поведения несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия в юридически значимых ситуациях (предкриминальной, криминальной, посткриминальной). Представлены результаты эмпирического исследования (232 потерпевших), дана типология несовершеннолетних потерпевших по преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Ключевые слова: юридическая психология, виктимное поведение, провоцирующее поведение, беспомощное состояние, депривация, предкриминальная ситуация, криминальная ситуация, посткриминальная ситуация

Расследование преступлений, связанных с посягательствами на половую неприкосновенность и половую свободу личности, представляет особую сложность в части доказывания по уголовному делу, когда жертвами сексуального насилия являются несовершеннолетние и малолетние потерпевшие.

Наличие виктимного поведения у малолетних потерпевших в большинстве случаев не вызывает сомнений – в его основе, с учетом психологических особенностей детского возраста, лежит неспособность к пониманию характера и значения совершаемых в отношении их насильственных сексуальных действий, а следовательно, и к оказанию сопротивления виновному в криминальной ситуации. Применительно же к несовершеннолетним жертвам сексуальных посягательств далеко не всегда можно с уверенностью говорить о наличии у них виктимного поведения – проведенные нами исследования показали, что определенные категории несовершеннолетних потерпевших по делам о половых преступлениях выявляют признаки провоцирующего поведения в ситуации взаимодействия с потенциальным преступником.

Используя термин «провоцирующее поведение», мы не имеем в виду поведение несовершеннолетних, которые, «не имея достаточного опыта общения, в том числе и сексуального, под влиянием стремления казаться старше, самоутвердиться в роли "привлекательной женщины", окруженной поклонниками, охотно завязывают знакомства» [Коньшева, Коченов, 1989, с. 18], соглашаются на совместное употребление спиртных напитков, а осознав подлинные намерения мужчин, пытаются противодействовать насильнику в соответствии с присущим их личности стереотипом поведения в сложных ситуациях. Мы говорим о несовершеннолетних потерпевших, провоцирующие действия которых на сексуальный контакт как в предкриминальной, так и в

собственно криминальной ситуации можно рассматривать с позиции уголовного права как «активно-провоцирующую», «преступную» виктимность [Сафиуллин, 1995, с. 11], хотя зачастую работниками судебно-следственных органов любое поведение несовершеннолетних потерпевших оценивается как беспомощное состояние, исходя исключительно из возрастного критерия (несовершеннолетия).

Виктимное поведение несовершеннолетних

Виктимное поведение несовершеннолетних потерпевших может иметь достаточно широкий диапазон – от активно-провоцирующего до пассивно-подчиняемого, в зависимости от личности потерпевшего / потерпевшей, действий преступника, особенностей криминальной и предкриминальной ситуации. Психологическая устойчивость несовершеннолетних потерпевших как к угрозам, так и к физическому воздействию со стороны насильника и активность-пассивность к сопротивлению находятся в прямой зависимости от индивидуально-психологических особенностей потерпевших, их эмоционального состояния в криминальной ситуации и степени осознания заложенной в ней опасности.

Достаточно часто встречаются случаи, когда несовершеннолетний/я потерпевший / потерпевшая не оказывает активного сопротивления преступнику и ее воля оказывается подавленной лишь посредством высказывания преступником угроз применения насилия. Или: потерпевшие, не способные понимать характер и значение совершаемых с ними действий, не предпринимают даже попыток к оказанию сопротивления, вследствие чего у преступника может сложиться неверное впечатление о желании несовершеннолетнего/ей вступить с ним в сексуальные отношения.

В подобных случаях, при совокупности всех факторов, можно говорить о наличии у потерпевшего/ей беспомощного состояния в ситуации деликта, юридический критерий которого включает в себя процессы осознания юридически значимых событий и произвольную регуляцию поведения жертвы. При этом сохранность способности потерпевшего/ей понимать сексуальную направленность и социальное значение совершаемых с нею действий зависит от множества факторов, взаимодействующих с особенностями криминальной ситуации, ведущими из которых являются уровень психического развития потерпевшего/ей и ее эмоциональное состояние в криминальной ситуации [Сафуанов, 1998].

Целостность способности к осознанию «характера и значения» совершаемых с ним / ней действий у несовершеннолетнего/ей потерпевшего/ей к определенному возрастному периоду ни в коей мере не означает наличия у нее способности к оказанию сопротивления в конкретной криминальной ситуации, несмотря на то что волевой компонент зависит не только от способности к целенаправленному, последовательному, адекватному поведению в ситуации выбора, но и от сохранности интеллектуального компонента, отмечает Н.Б.Морозова [Медицинская и судебная ... , 2005]. Понятно, что определение точных возрастных границ при определении сохранности способности понимать характер и значение совершаемых с ними преступных действий невозможно, вследствие различной индивидуальной структуры познавательной деятельности и уровня личностного созревания, с учетом сексуального сознания и самосознания потерпевшего/ей.

Индивидуальная структура личности малолетней потерпевшей (потерпевшего), включающая в себя и сексуальное сознание, изначально формируется под воздействием микросоциального окружения. Дети, воспитывающиеся в неблагополучных семьях с культивируемыми в них искаженными, порочными представлениями о сексуальных отношениях и вынужденные наблюдать половые акты взрослых с раннего дошкольного возраста, имеют недопустимо высокий для их возраста уровень сексуальной осведомленности, осознавая и внешнюю сторону юридически значимых событий, и их биологический смысл, а в исключительных случаях – и социальное значение.

Основным критерием для констатации судебно-следственными органами беспомощного состояния

жертвы выступает несовершеннолетний возраст потерпевшего/ей, что является далеко не всегда обоснованным, так как «нарушения способности потерпевшего/ей оказывать сопротивление зависит, прежде всего, от структуры ее индивидуально-психологических особенностей» [Сафуанов, 1998, с. 165–166]. Одна и та же ситуация сексуального насилия при оказании психологического прессинга, например посредством высказывания угрозы применения насилия, может по-разному отразиться в психике несовершеннолетнего/ей, оказывая противоположное воздействие на его / ее эмоциональное состояние в криминальной ситуации, в зависимости от личностной структуры (индивидуально-психологических особенностей, мотивационной направленности, структуры самосознания, сформированности сексуального самосознания, привычных стереотипов поведения в сложных ситуациях и т.д.) – либо полностью блокируя, либо сохраняя или даже актуализируя потенциальную способность потерпевшей к оказанию сопротивления. В этой связи, исходя из особенностей функционирования системы «жертва-преступник-криминальная ситуация», мы предприняли попытку создания типологии несовершеннолетних и малолетних потерпевших от насильственных сексуальных посягательств (coitus per or, coitus per rectum, coitus per vaginale).

Организация и методы исследования

Предметом исследования явилось эмоциональное и поведенческое реагирование малолетних и несовершеннолетних потерпевших от преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в предкриминальной, криминальной, посткриминальной и следственной ситуациях.

Эмпирический материал исследования составили 198 однородных судебно-психологических экспертиз, проведенных автором в период с 1999 по 2009 годы в рамках расследования по уголовным делам (ст.ст. 131, 132, 134, 135 УК РФ).

Объектом исследования явились 232 несовершеннолетних и малолетних потерпевших от преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности из г.Нижнего Новгорода или Нижегородской области в возрасте от 4 до 17 лет (из них 41 потерпевший мужского пола – 17,6%). Исходя из возрастных периодов развития испытуемые распределились следующим образом: дошкольный период (4–7 лет) – 27 потерпевших (11,6%); младший школьный (8–11 лет) – 104 (44,8%); подростковый (11–15 лет) – 52 (22,4%); младший юношеский (15–17) – 49 (21,2%). Некоторые несовершеннолетние и малолетние дети являлись потерпевшими по одному и тому же уголовному делу.

По заключению экспертов-психиатров в рамках проведения судебно-психиатрических экспертиз по данным уголовным делам психически здоровыми были признаны 186 потерпевших (80,2%), страдающими каким-либо психическим расстройством – 46 человек (19,8%), при этом наличие психического расстройства до совершения преступления было диагностировано у 27 потерпевших (11,6%), а временное психическое расстройство, развившееся непосредственно в ответ на сексуальный деликт и имеющее с ним прямую причинно-следственную связь, было диагностировано у 19 потерпевших (8,2%).

Общая характеристика личности несовершеннолетних и малолетних потерпевших основывалась на социально-демографических данных, диагностике их индивидуально-психологических особенностей и анализе поведения потерпевших в юридически значимых ситуациях с использованием всех методов судебно-психологического исследования, применяемых экспертом-психологом: анализ материалов уголовного дела, метод обобщения независимых характеристик, биографический метод, метод наблюдения и беседы, психодиагностический метод (в зависимости от возраста испытуемых применялся набор методик для определения уровня развития познавательной деятельности, патохарактерологический опросник Личко, тест Розенцвейга, метод Сцонди, тест цветовых отношений А.Эткинда, рисованный апперцептивный тест, тест Кеттелла, цветовой тест Люшера, тест Айзенка, тест Векслера и др.).

Результаты и их обсуждение

По результатам исследования были выделены две категории потерпевших – «истинные» и «мнимые». Внутри категорий соответственно общей характеристике личности потерпевшие были подразделены на несколько типов.

Категория «истинных» потерпевших

Несовершеннолетних и малолетних потерпевших, выявляющих разные уровни понимания ситуации сексуального насилия при отсутствии способности к волевой регуляции своего поведения в криминальной ситуации, мы условно обозначили как *истинных* (214 испытуемых – 92,2% от общего числа).

Депривированный тип

Кластер 1 – *депривированный* тип (18,5% от общего числа потерпевших). Это жертвы внутрисемейного сексуального насилия, большинство из которых составляют малолетние дети в возрасте от четырех до десяти лет (11,64% от общего числа потерпевших) из социально неблагополучных семей.

В большинстве случаев сексуальное насилие в семье в отношении малолетнего ребенка со стороны как кровных, как и некровных родственников (сожителей матери, отчимов) отличается многоэпизодность, при этом насильственные действия могут продолжаться на протяжении нескольких месяцев и даже лет. В большинстве случаев предкриминальная ситуация при первом эпизоде насилия характеризуется наличием у ребенка чувства доверия и привязанности к потенциальному преступнику как к члену семьи, а криминальная, являясь по сути своей неожиданной, первоначально вызывает эмоции растерянности у жертвы инцеста. В случаях массивной, длительной по времени сексуальной травмы, когда механизмы ее действия приобретают для ребенка характер «жизненной ситуации», возможно возникновение у потерпевших и психических расстройств с определенной динамикой, укладывающихся в рамки своеобразных психогенных и патохарактерологических развитий личности. Как отмечает Н.Б.Морозова, в подобных случаях у жертв сексуального насилия может сформироваться комплекс аффективно насыщенных сверхценных переживаний с фиксацией на них, стойкое негативное отношение к посягателю при возникновении депрессивных и личностных расстройств, а также агрессивного аутистического фантазирования [Медицинская и судебная ... , 2005, с. 536].

В настоящем исследовании из общего числа *депривированных* потерпевших 21% испытуемых выявляли признаки каких-либо временных психических расстройств, развившихся непосредственно в ответ на сексуальный деликт (посттравматическое стрессовое расстройство, атипичная депрессия, затяжное невротическое состояние). Неоднозначность воздействия сексуальных эксцессов на психику потерпевших определяется возрастом детей, с которого они начинают подвергаться насилию, этапом психосексуального и уровня психического развития, их биологическими и индивидуально-психологическими особенностями.

В случае пролонгированной инцестуальной связи по мере «накопления» эпизодов сексуального насилия механизм переживания ребенком внутрисемейного насилия закономерно приводит по типу «снежного кома» к деформации его личности, трансформации эмоционального, а затем и поведенческого реагирования. В старшем подростковом возрасте потерпевший / потерпевшая, будучи уже способным/ой к пониманию внутренней стороны происходящего, рефлексировать свое поведение в предкриминальной, криминальной и посткриминальной ситуациях по типу «умственной жвачки», не видя выхода из сложившейся ситуации и не имея в своем поведенческом репертуаре адекватных копинг-стратегий. Поскольку пролонгированное инцестуальное сексуальное насилие

носит характер «жизненной ситуации» (пред-, пост- и криминальные ситуации постоянно чередуются), у подростка существенно меняется Я-концепция, и в рамках сформировавшегося к этому времени стойкого комплекса неполноценности появляется чувство неприятия себя как личности, вплоть до возникновения устойчивых эмоций ненависти к себе, нередко сопряженных и с аутоагрессивными тенденциями.

Психотравмирующее воздействие криминальной ситуации на личность подростка (6,9% от общего числа потерпевших) происходит по типу «порочного круга»: полное отсутствие возможности свободного выбора действий, обусловленное сформировавшимися личностными особенностями подростка на фоне неизменно высокого уровня эмоционального напряжения (в структуре стресса) в длительной психотравмирующей ситуации (постоянное ожидание очередного эпизода сексуального насилия) неизбежно приводит к переживанию пролонгированной ситуации сексуального насилия по механизму «терпения» [Сафуанов, 2003], существенно облегчая совершение преступником очередного эпизода.

Инфантильный тип

Кластер 2 – *инфантильный* тип (16,8% от общего числа испытуемых). Включил в себя несовершеннолетних потерпевших женского пола периода старшего пубертатного и раннего юношеского возраста (15–17 лет), которые в ходе функционирования системы «жертва-преступник-криминальная ситуация» своим «псевдопровоцирующим» типом виктимного поведения способствуют реализации насильником противоправных действий [Морозова, 1999, с. 18].

Потерпевшие *инфантильного* типа выявляют стремление к взаимодействию с потенциальным преступником, установлению с ним речевого контакта, кокетству без проявления собственно сексуального интереса и, тем более, без прямого поощрения сексуальной активности.

Предкриминальная ситуация характеризуется психологической готовностью *инфантильных* к поиску потенциального объекта «вожделения», а отсутствие рефлексии своего поведения приводит к восприятию потерпевшими криминальной ситуации как неожиданной и субъективно безвыходной, тем более что насилие в отношении них совершается, как правило, со стороны ранее незнакомых или малознакомых старших по возрасту лиц.

Инфантильные потерпевшие – в основном «продукты» авторитарного воспитания по типу доминирующей гиперпротекции, при этом «палитра» личностных особенностей потерпевших с псевдопровоцирующим типом поведения очень широка – от различных сочетаний истероидного и гипертимного вариантов акцентуации характера до сензитивных, неустойчивых и конформных. В предкриминальной ситуации при общении с потенциальным преступником *инфантильные* потерпевшие, особенно если их двое-трое, легко знакомятся даже с группой молодых людей, охотно идут с ними на эмоциональный контакт, соглашаются на совместное употребление спиртных напитков, стремясь казаться старше своих лет. При этом их представления о происходящем значительно отличаются от оценки ситуации потенциальным преступником (преступниками), воспринимающим подобное раскованное поведение девушки как призыв к сексуальной связи. Непосредственно в криминальной ситуации, когда потерпевшим становятся понятны истинные намерения преступника, они действуют в зависимости от своих индивидуально-психологических особенностей, проявляя различные формы поведенческого реагирования от активно-оборонительного до пассивно-подчиняемого.

Вынужденный тип

Кластер 3 – *вынужденный* тип (10,3% от общего числа испытуемых). Включает в себя малолетних потерпевших обоих полов (8–13 лет), в отношении которых совершаются преступления, предусмотренные ст.ст. 131, 132, 133, 134, 135 УК РФ, ч. 3 ст. 240 УК РФ, – детей, вынужденных обеспечивать свою жизнь посредством «продажи» своего тела, то есть занимающихся

проституцией в явной или завуалированной форме.

Вынужденные потерпевшие – всегда депривированные дети из неблагополучных семей, лишенные не только заботы и внимания со стороны взрослых, но и элементарных средств к существованию. В большинстве случаев *вынужденные* потерпевшие выявляют признаки какого-либо психического расстройства (умственной отсталости разной степени выраженности, различные нарушения поведения и т.д.). Первоначально потерпевшие *вынужденного* типа вступают в сексуальные отношения в малолетнем возрасте (до 10 лет), не осознавая еще ни внутренней стороны происходящих событий, ни их социального значения. В связи с этим предкриминальная и посткриминальная ситуации характеризуются психологической готовностью потерпевших к вынужденному вступлению в сексуальные отношения, ожиданием их совершения при послушно-пассивном подчинении воле насильника в собственно криминальной ситуации.

Отвергаемый тип

Кластер 4 – *отвергаемый* тип (9,05% от общего числа испытуемых). Включает несовершеннолетних обоих полов среднего и старшего пубертатного возраста (13–16 лет), насилие в отношении которых всегда носит групповой характер и совершается со стороны несовершеннолетних. В основе преступных действий подростков могут лежать как мотивации удовлетворения гедонических потребностей, связанные с первичными сексуальными влечениями, так и мотивации наказания. В любом случае преступления, совершаемые группой несовершеннолетних в отношении *отвергаемых* потерпевших, отличает цинизм, а зачастую и особая жестокость, сопряженная с причинением не только нравственных, но и физических страданий жертве.

Отвергаемые потерпевшие – подростки с различными социально-демографическими данными, как правило, выявляющие признаки неустойчивого или конформного психотипов, иногда – с истероидными включениями. *Отвергаемые*, как правило, ведомы и зависимы от мнения окружающих, их волевой компонент развит недостаточно, самооценка характеризуется неустойчивостью. Не имея близких друзей (подруг), *отвергаемые* стремятся стать членами подростковых образований, быть сопричастными групповым интересам, всячески пытаются понравиться лицам, занимающим весомое положение в подростковых группах, вплоть до проявления подбострастия. В подобных случаях предкриминальная ситуация, являясь конфликтогенной с точки зрения межличностных взаимоотношений подростков, тем не менее не несет в себе угрозы сексуального насилия для потерпевшего. В криминальной же ситуации *отвергаемые* потерпевшие не могут избрать адекватных копинг-стратегий, выявляя признаки пассивно-подчиняемого варианта поведения.

К данному типу относятся и так называемые общие девочки из среды девиантных подростков, проявляющие признаки а- или антисоциального поведения, воспринимающие ситуацию насилия как субъективно безвыходную вследствие занимаемого ими положения в референтной группе. Поскольку для девочек-подростков, особенно из неблагополучных семей, принадлежность к хулиганской группе сверстников, где культивируются аморальные формы поведения, составляет основную внутреннюю ценность, и ради ее сохранения и укрепления, будучи неспособными противостоять групповому влиянию, они готовы пойти на отношения, неприятные им морально и физически, однако «даже очевидное согласие потерпевшей на вступление в сексуальные контакты не может служить доказательством того, что оно было вполне осознанным и произвольным» [Коньшева, Коченов, 1989, с. 17].

Насильственные сексуальные действия в отношении потерпевших *отвергаемого* типа, как правило, носят характер многоэпизодных. После первого эпизода сексуального насилия потерпевшие всячески стараются скрыть происшедшее от окружающих, в том числе от своих родителей и близких, боясь огласки, которая неминуемо приведет к еще большему «утяжелению» положения

потерпевших в среде сверстников. В посткриминальной ситуации потерпевший/ая остается в эмоциональной изоляции, наедине со своими остропсихотравмирующими переживаниями, неспособный/ая к выработке оптимальных копинг-стратегий, направленных на защиту своей личности, все больше усугубляя свое положение в среде сверстников.

Подобный поведенческий репертуар потерпевших по варианту «замкнутой кривой» значительно облегчает для несовершеннолетних преступников совершение повторных эпизодов правонарушения, они ощущают, с одной стороны, свою полную безнаказанность, а с другой – власть над жертвой, в полной мере не способной к осознанно-произвольным действиям в ситуации группового принуждения.

Случайный тип

Кластер 5 – *случайный* тип (37,5% от общего числа испытуемых). Включает несовершеннолетних потерпевших обоих полов всех возрастных групп (от дошкольного до младшего юношеского возраста) с различными социально-демографическими и личностными характеристиками. «Случайными» могут быть депривированные дети и подростки из неблагополучных семей; потерпевшие из социально-позитивных семей с различным типом воспитания; девиантные подростки. Нападение на «случайных» потерпевших происходит всегда неожиданно, с применением насилия или угрозой его применения, в большинстве случаев со стороны незнакомых старших по возрасту лиц, поэтому предкриминальная ситуация всегда носит характер нейтральной, а криминальная – неожиданной, вызывающей у жертвы эмоции сильнейшего страха, в случае не только применения насилия со стороны преступника, но и угрозы его применения.

Остропсихотравмирующий характер криминальной ситуации обусловлен оказанием мощного психологического прессинга на психику несовершеннолетних, который в большинстве случаев вызывает у них блокировку активности, парализацию воли, провоцируя ведомое, зависимое поведение без попытки выбора адекватных копинг-стратегий (пассивно-подчиняемый вариант). При этом сама по себе юридически значимая ситуация может быть потенциально разрешимой, объективно предполагая возможность избежания насилия – дневное время суток при наличии рядом взрослых людей и т.д. Однако даже в тех случаях, когда нападение совершается преступником одновременно на нескольких несовершеннолетних, потерпевшие зачастую оказываются не способными к сопротивлению, «индуцируя» друг друга своим эмоциональным и поведенческим реагированием.

Эмоциональное и поведенческое реагирование подростков мужского пола (12–13 лет) и малолетних мальчиков (7–9 лет) в большинстве случаев аналогично вышеприведенному – первоначальные эмоции страха, вызванные угрозой применения насилия со стороны преступника, провоцируют блокировку активности и пассивно-подчиняемый вариант поведения в криминальной ситуации, особенно у лиц, страдающих психическим расстройством, или ведомых, зависимых, неуверенных в себе подростков с закрепленным «послышным» стереотипом поведения со взрослыми (5,17% от общего числа испытуемых). Механизм переживания насилия в посткриминальной ситуации у *случайных* потерпевших сугубо индивидуален и, в связи с этим, различен, несмотря на идентичность деликта, например при совершении серийных сексуальных преступлений.

Категория «мнимых» потерпевших

В ходе исследования нами была выделена категория несовершеннолетних (7,8% от общего числа испытуемых), условно обозначенных как *мнимые*, которые предъявляли следственным органам «факт» совершения в отношении них сексуального насилия, оговаривая своих реальных или вымышленных половых партнеров не только из сугубо корыстных мотивов, но и исходя из совершенно других мотиваций. В любом случае сведения, которые давали *мнимые* потерпевшие в объяснениях, а в дальнейшем и при допросах, носили характер ложных.

В ходе предварительного расследования во всех исследуемых случаях истина по делу была установлена и уголовное преследование в отношении обвиняемых прекращалось за отсутствием в деянии состава преступления, в соответствии с ч. 1 п. 2 ст. 24 УПК РФ, ст. 27 УПК РФ. В двух случаях, когда возраст «жертв насилия» переходил за границу шестнадцати лет, в соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РФ ложь потерпевших выступала обязательным признаком составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 306 и ч. 2 ст. 307 УК РФ. Таким образом, первоначальные сведения, изложенные в заявлениях и объяснениях, а затем и показания несовершеннолетних потерпевших оценивались следствием как ложные и деяния квалифицировались как заведомо ложный донос и заведомо ложные показания, соединенные с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Проведенные исследования показали, что влияние взрослых на формирование ложных показаний несовершеннолетних может быть как прямым, в случае преследования ими сугубо корыстных интересов, так и косвенным, когда подросток субъективно вынужденно прибегает ко лжи, дабы избежать более «тяжелых» для него последствий (конфликта с родителями, строгого наказания и т.п.). При этом косвенное влияние порождает у несовершеннолетнего не только «оборонительную» ложь, предполагающую обязательное, но неосознанное влияние взрослых на ее формирование вследствие аномального воспитания ребенка в семье (например, по типу жестокого обращения, доминирующей гиперпротекции и т.д.), но и ложь «наступательную» [Внуков, Брусиловский, 1929, с. 50], когда поведение подростка в части использования лжи является полимотивационным, но один из мотивов всегда остается неизменным – сокрытие истинной информации о происшедшем от значимых взрослых.

Зависимый тип

Кластер 1 – *зависимый* тип (2,16% от общего числа испытуемых). Включил несовершеннолетних (из них два малолетних мальчика), которые давали ложные показания по требованию взрослых, поведение которых детерминировано корыстными мотивами, в некоторых случаях сопряженными с мотивами мести. Причем *мнимыми* потерпевшими *зависимого* типа могут быть не только малолетние дети, но и несовершеннолетние, добровольно вступающие в интимные отношения, но под действием значимых взрослых вынужденные оговаривать своих сексуальных партнеров, изначально не имея мотивации на совершение данных действий. К *зависимому* типу потерпевших относятся несовершеннолетние и малолетние из различных социальных групп, но в подавляющем большинстве случаев родители или лица, их заменяющие, являются материально малообеспеченными субъектами.

Неустойчивый тип

Кластер 2 – *неустойчивый* тип (3,9% от общего числа испытуемых). Этот кластер, являясь самым многочисленным в категории *мнимых* потерпевших, включает в себя несовершеннолетних подростков женского пола младшего юношеского возраста (15–17 лет). В отличие от *зависимого* типа эти несовершеннолетние имеют устойчивую мотивацию на дачу ложных показаний – их ложь носит оборонительный характер, в большинстве случаев являясь спонтанно возникшей. В любом случае влияние на ее формирование со стороны взрослых всегда является косвенным, подросток субъективно вынужденно прибегает ко лжи, чтобы избежать последствий конфликта с родителями (строгого наказания, применения каких-либо санкций и т.д.).

Неустойчивые потерпевшие – дети из социально-благополучных семей, родители которых, не обладая достаточной педагогической культурой, тем не менее прикладывают все усилия для правильного, в их понимании, воспитания своего ребенка, которое протекает, как правило, по типу доминирующей гиперпротекции (у 64% *неустойчивых* потерпевших матери являлись педагогами, занимая лидирующее положение в семье). Субъективное ощущение «взрослости» при стремлении

взаимодействовать с противоположным полом, обусловленном эротическими переживаниями и потребностью соответствовать нормам и установкам референтной группы сверстников, способствовало легкому вступлению *неустойчивых* в сексуальные отношения, как правило, с лицами мужского пола незначительно старше себя по возрасту. Разоблачение дочери в наличии у нее сексуальных отношений с противоположным полом происходило всегда неожиданно как для подростка, так и для родителей. При этом конфликтная ситуация в большинстве случаев разрешалась стереотипно, посредством типичного, сложившегося в семье поведенческого репертуара для обеих сторон: авторитарный прессинг со стороны взрослых – признание ребенка. В конечном итоге подросток признавался в сексуальной связи, оправдывая ее осуществление принуждением со стороны мужчины помимо его воли.

Данный тип мнимых потерпевших как «продуктов» авторитарного воспитания отличает личностная зависимость и некритичность при стремлении к самостоятельности и автономии. Страх наказания при осознании неотвратимости применения привычных санкций со стороны родителей (близких взрослых) в случае появления у последних истинной информации о происшедшем (сексуальном контакте) выступает доминантой при выборе линии поведения подростка независимо от возможных последствий развития ситуации.

К типу *неустойчивых* относятся и девочки старшего пубертатного возраста, для которых нравственная значимость обоюдного сексуального контакта мизерна по сравнению с последствиями его избегания. В данном случае мы говорим о вступлении в обоюдную сексуальную связь, когда желание испытать эротические переживания именно с этим партнером у несовершеннолетних отсутствует или сведено до минимума. Потенциальный половой партнер может быть как знакомым девушки, так и неизвестным ранее лицом. При наличии сохранной способности к сопротивлению, обусловленной как личностными характеристиками несовершеннолетней, так и особенностями конкретной ситуации при полном понимании сути происходящих событий и изначальных намерений партнера, девушка вступает в сексуальный контакт во избежание субъективно более серьезных для нее последствий в случае отказа («если бы я стала кричать, услышали бы соседи, мне не нужны были эти неприятности», «он предохранялся, бояться было нечего, если бы я стала сопротивляться, мог бы меня избить, лучше уж так»).

Псевдоромантичный тип

Кластер 3 – *псевдоромантичный* тип (1,72% от общего числа испытуемых). Включает в себя несовершеннолетних женского пола младшего юношеского возраста (16–17 лет) из социально-благополучных семей, мотивация предъявления «факта» изнасилования у которых обусловлена полимотивационной направленностью при равнозначности как минимум двух мотивов – мести по отношению к сексуальному партнеру и страха перед родителями, в случае получения ими истинной информации о добровольном вступлении в сексуальный контакт. При этом ложь *псевдоромантичных* носит характер наступательной и всегда спланированной. Несмотря на внешнюю самостоятельность в принятии решения о предъявлении ложных сведений у данного типа мнимых потерпевших, наступательная ложь, как и ложь оборонительная у *зависимых* потерпевших, формируется под косвенным влиянием значимых для подростка взрослых.

Несовершеннолетние *псевдоромантичного* типа, будучи полностью осведомленными в вопросах сексуальных отношений и паттернах полоролевого поведения, вступают в добровольный сексуальный контакт, более того, желают его, выявляя признаки активно-провоцирующего поведения в «предкриминальной» ситуации. Являясь личностями эгоцентричными, с выраженным истероидным компонентом, стремящимися к признанию себя половым партнером незаурядной личностью, а не просто особью женского пола, девушки соответствующим образом «рисуют» в своем воображении предстоящий сексуальный контакт, разочаровываясь после его осуществления. Мотивация оговора сексуального партнера возникает у *псевдоромантичных* на высоте негативных эмоций, связанных с крушением ожиданий, а иногда сопряженных с обнаружением последствий

половой связи (заражение венерическими заболеваниями, наступление беременности). В любом случае действия *псевдоромантичных*, связанные с оговором сексуального партнера, всегда рационально спланированы и ложь их носит ярко выраженный наступательный характер.

Заключение

Представленная типология несовершеннолетних потерпевших по половым преступлениям, безусловно, не является исчерпывающей – разновидностей ситуаций совершения сексуального насилия в отношении подростков, к сожалению, множество. Тем не менее проведенный анализ преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст.ст. 131, 132 УК РФ), где первоначально потерпевшими являлись несовершеннолетние группы *мнимых*, позволяет констатировать, что возраст несовершеннолетия ни в коей мере не может являться основным критерием для констатации беспомощного состояния потерпевшего. С другой стороны, вопрос о возможном использовании обвиняемым беспомощного состояния несовершеннолетнего при совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 133, 134 и 135 УК РФ, можно считать дискуссионным – добровольное вступление подростка в половую связь может выглядеть таковым лишь по внешним признакам, при его поверхностном анализе без учета глубинных, истинных мотиваций поведения несовершеннолетнего.

Полагаем, что ситуации совершения сексуального насилия в отношении несовершеннолетних целесообразно исследовать с позиции комплексного подхода, в том числе включающего в себя анализ межличностных связей и отношений внутри систем «жертва – преступник – юридически значимая ситуация» (собственно криминальная, предкриминальная, посткриминальная).

Литература

Внуков В., Брусиловский А. Психология и психопатология свидетельских показаний малолетних и несовершеннолетних. Киев: Юридич. Изд-во Наркомюста УССР, 1929. 95 с.

Коньшова Л.П., Коченов М.М. Использование следователем психологических познаний при расследовании дел об изнасилованиях несовершеннолетних: методическое пособие. М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1989. 53 с.

Медицинская и судебная психология. Курс лекций. 2-е изд., испр. / под ред. Т.Б.Дмитриевой, Ф.С.Сафуанова. М.: Генезис, 2005. 606 с.

Морозова Н.Б. Психические расстройства у несовершеннолетних потерпевших – жертв сексуального насилия (клиника, возрастные особенности, судебно-психиатрическое значение): автореф. дис. ... д-ра мед. наук / Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П.Сербского. М., 1999. 48 с.

Сафиуллин Н.Х. Виктимное поведение несовершеннолетних и совершенные против них насильственные преступления (криминологический анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Юридический институт МВД России. М., 1995. 21 с.

Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М.: Гардарики: Смысл, 1998. 192 с.

Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.

Поступила в редакцию 11 апреля 2010 г. Дата публикации: 22 июня 2010 г.

[Сведения об авторе](#)

Васкэ Екатерина Викторовна. Кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, юридический факультет, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, ул. Ашхабадская, д. 4, 603115 Нижний Новгород, Россия.

E-mail: vaskeev@rambler.ru.

[Ссылка для цитирования](#)

Васкэ Е.В. Психологический анализ поведенческого реагирования в юридически значимых ситуациях несовершеннолетних потерпевших по половым преступлениям [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 3(11). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.20гг). 0421000116/0024.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в реестре ФГУП НТЦ "Информрегистр".]

[К началу страницы >>](#)